

ПУТИ ПЕРЕДАЧИ КИРГИЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЦВЕТА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Э.Ш. Абакирова, О.Д. Баатаева

Рассматриваются особенности перевода киргизских мудрых изречений в эпосе «Манас». Проводится лингвистический анализ дословного и эквивалентного перевода некоторых киргизских афоризмов на русский язык.

Ключевые слова: фразеологизм; адекватность; эквивалентность; калькирование; метафора; образность; фразеологическое значение; прямое значение; переносное значение; тождественность; идиома; лексема.

Давно замечено, что мудрость и дух народа проявляются в его пословицах и поговорках, а знание пословиц и поговорок того или иного народа способствует не только лучшему знанию языка, но и лучшему пониманию образа мыслей и характера народа. Употребляя ту или иную пословицу или поговорку в конкретной ситуации, говорящий стремится подтвердить и подчеркнуть суть сказанного. Такие акценты присущи речи людей во все времена, соответственно, пословицы и поговорки являются наиболее эффективными эмоционально-выразительными средствами. Отсюда следует, что переводчик должен уметь грамотно их перевести, донести их смысл до слушателей.

Необходимо отметить, что многие русские и киргизские пословицы и поговорки многозначны, что делает их трудными для толкования и сравнения. При отборе русских соответствий киргизской пословицы обязательным критерием

было совпадение одного из значений (как правило, главного). Вместе с тем важно помнить, что, складываясь в различных исторических условиях, киргизские и русские поговорки и пословицы для выражения одной и той же или сходной мысли часто использовали различные образы, которые, в свою очередь, отражают различный социальный уклад и быт двух народов и часто не являются абсолютными эквивалентами. Также немаловажно и то, что в каждом языке существуют фразы и выражения, которые нельзя понимать буквально, даже если известно значение каждого слова и ясна грамматическая конструкция. В целом смысл такой фразы остается непонятным и странным.

Известно, что такие тропы, как метафора и метонимия представляют собой не украшение существующего значения, а несут в себе новую информацию [1]. Следовательно, при переводе на другой язык эта информация должна быть

адекватно передана. Однако при попытке объяснить значение метафоры развернутым высказыванием определенная часть смысла теряется. Для этого существуют объективные причины: троп и его экспликация представляют собой разные способы передачи информации – аналоговый и цифровой (различное соотношение данных видов информации играет важную роль как при порождении, так и при восприятии и интерпретации тропа, осуществляемых благодаря функциональной асимметрии мозга человека).

В человеческой коммуникации объекты могут быть представлены либо с помощью рисунков, передающих сходство, либо обозначением с помощью имен. Эти два типа коммуникации (один – самообъясняющимся сходством, другой – словом), конечно же, также эквивалентны понятиям аналоговой и цифровой коммуникации. Соответственно, всякий раз, когда слово используется для обозначения, очевидно, что взаимоотношение между именем и обозначенной вещью является чем-то произвольно установленным. Кроме того, несомненно то, что в аналоговой коммуникации существует что-то особенное, “похожее на вещь”, используемое для того, чтобы выразить эту вещь. Аналоговая коммуникация в большей степени соотносится с вещью, которую символизирует [2].

На наш взгляд, наиболее типичным представителем аналоговой коммуникации в языке является метафора, а метонимия, соответственно, представляет собой цифровой способ передачи информации. Вообще, в языке и речи каждая форма слова может считаться метонимией, так как звук ассоциируется с понятием, и когда мы слышим (видим) форму, то по устойчивой смежности вызывается образ понятия. Вспомним пример из “Собачьего сердца” М.А. Булгакова: при первом восприятии комбинации звуков “абырвалг” никакого денотата не видно. Имеется лишь только семантический ореол слова со значением “грубость”, “что-то неприятное” и т.п. Фонетическая сторона слова сама является объектом, денотатом. И лишь позже мы соотносим его со словом “главрыба”, представляющим собой уже структуру “фонетический облик + концепт”.

Другой пример: ребенок услышал и запомнил слово “коллега” (точнее, только форму этого слова). Несомненно, он знаком с понятием, стоящим за этой формой, но эти два объекта существуют раздельно и соединяются в нераздельное целое только после маминого объяснения. Теперь, используя один объект (фонетическую форму), мы получаем и второй (возникает определенный образ), и наоборот, увидев какого-ли-

бо маминого сотрудника, ребенок может вспомнить фонетическую форму [кал’эга].

В случаях с традиционной метонимией имеем тот же механизм: два совершенно разных объекта ассоциативно связываются в сознании. Причем объекты могут быть реально связаны в действительности (когда, например, реальную девочку, носящую красный берет, мы называем “красная шапочка”), а могут и не быть (марширующие ноги в кинофильме как символ армии никак с армией не связаны, т.к. это ноги актеров-статистов).

При переводе одного способа передачи на другой происходит неизбежная потеря информации, ведь человек, соединяющий эти два языка, и как отправитель и как получатель вынужден постоянно переводить с одного языка на другой. В человеческой коммуникации сложность перевода присутствует всегда. Отсюда следует вывод, что при переводе текста с одного языка на другой важно адекватно передавать тропы во избежание таких информационных потерь.

Все это, несомненно, создает массу трудностей при переводе. Поэтому переводчик всегда должен “лабиринтировать”: где-то добавить, где-то убрать, где-то изменить, сохранив при этом прагматический эффект. Это своего рода игра, как и метафорический дискурс вообще.

У этих двух явлений есть и другие общие моменты: метафора (согласно современной теории) лежит на пересечении двух концептуальных сфер, нормально не сочетаемых. Этот неизбежный конфликт и роднит метафору и перевод. Ведь последний, в свою очередь, лежит на пересечении двух культурных сфер, также не сочетаемых в нормальных условиях. Переводчик создает такой элемент, такой текст, который принадлежал бы одновременно двум культурам, точно так же как любой человек, воспринимая метафору, для ее интерпретации (обратите внимание на внутреннюю форму этого слова!) ищет тот объединяющий элемент, устраняющий конфликт разноклассовых понятий. Поэтому любой перевод тоже является метафорой в широком смысле этого слова.

Действительно, помимо всего прочего, члены метафоры могут считаться симметричными относительно одного или нескольких признаков. В этом отношении метафора тесно сближается с переводом.

Таким образом, общность формы, свойств и функций указывает на то, что перевод теснейшим образом связан с метафорой и в основе своей имеет архаичное стремление человека создать в одном пространстве (в одной сфере)

аналог объекта, принадлежащего другому пространству (другой сфере). Важность образности фразеологизмов заключается в том, что именно этот признак лежит в основе всех остальных их выразительных качеств: эмоциональности, оценочности, экспрессивности. Эмоциональность фразеологии – это способность фразеологизма не только называть предмет, явление, но и выразить определённое чувство говорящего или пишущего (*балалайка бесструнная* – очень болтливый человек, пустомеля). Оценочность фразеологических единиц – качество, производное от их эмоционального значения [3]. С точки зрения оценочности фразеологизмы можно разделить на две группы: фразеологизмы с положительной оценкой и фразеологизмы с отрицательной оценкой. Различие символов объясняется особенностями жизни каждого народа, его географическими условиями и т.д.

Специфика русских фразеологизмов хорошо видна при сопоставлении с фразеологизмами других языков, соотнесенных с ними по смыслу. Например: по-русски – *делать из мухи слона*, по-польски – *делать из иглы вилы*, по-чешски – *делать из комара верблюда*, по-киргизски – *бөйрөктөн шыйрак чыгарба* (не делай из почки ногу). Это сопоставление свидетельствует об оригинальности фразеологии каждого языка, в том числе русского и киргизского. В языке находят свое отражение и одновременно формируются ценности, идеалы и установки людей, то, как они думают о мире и о своей жизни в этом мире, поэтому соответствующие языковые единицы представляют собой “бесценные ключи” к пониманию этих аспектов культуры.

В русской и киргизской фразеологии есть целые группы слов-символов. Наиболее распространенными являются: наименования животных, цвета и частей человеческого тела. В русской и киргизской фразеологии получила отражение и народная символика цвета. У большинства народов отношение к белому и черному цвету сходно. И это нетрудно понять, так как белый цвет – цвет дня, черный – ночи. Отсюда и связь белого цвета с добром, а чёрного – со злом. Примерами могут послужить следующие фразеологизмы: *белый день, черная зависть, черный список, держать в черном теле*. Хотя у французов *белая ночь* означает ночь без сна.

С XVII века, когда картографы стали оставлять на картах “белые места”, то есть неизученные, неисследованные земли, возник фразеологизм *белое пятно*. С различными цветами связаны такие фразеологизмы, как *дать зеленую*

улицу (обеспечить свободный проезд), *видеть все в розовом свете* (представлять окружающее лучше, чем оно есть).

Можно выделить следующие способы перевода фразеологизмов со значением цвета в русском и киргизском языках:

1) эквивалентный перевод

Ак ийилет, кара сынат. / Правда гнется, кривда ломается.

Кайдан көрдүм кара эшек, жолдон көрдүм жору эшек. / Разошлись как в море корабли (букв.: где я видел черного осла? В пути я видел в ссадинах осла).

Кан үйүнүн тардыгы, кара алачыгымдын кендиги. / В тесноте, да не в обиде.

Кызыл кекирткек кыйла жерге секиртет. / Голлод не тетка (букв. красная глотка далеко заставляет прыгать).

Кара өзгөй болбой, доо болбойт. / Без наглости не бывает тяжбы.

2) калькирование

Ак ит, кара ит – бары бир ит. / Белая собака, черная собака – всё равно собака.

Алган эри жарашса, кара катын ак болот. / Когда муж хорош, то черная жена станет белой.

Кайгысыз кара сууга семирет. / Беззаботный от простой воды (просто от воды) жиреет.

3) описательный перевод

Карарып уурум чыкканча, саргарып жаным чыксын. / Чем мне, опозорившись, оказаться воров, лучше в печали пусть выйдет душа моя (т.е. лучше смерть, чем позор).

Ала жылкы жоголбойт, арамза адам онолбойт. / Пегий конь не потеряется, подлец не исправится.

Айыл ити ала болсо да, бөрү көрсө чогулат. / Хотя аульные собаки и враждуют меж собой, но, завидя волка, объединяются.

Жашыл – өнөт, жаш – чоңоет. / Зеленое – полиняет, а молодое – вырастет.

Көк байтал минген сергексийт, көгүчкөн аткан мергенсийт. / Сидящий на сивой кобыле бодрится, будто на добром коне, застреливший голубя мнит себя охотником.

Кыз экенде – кызыл кыз, жаман катын кайдан чыкты? / Все девицы – ангелы, а откуда жены-черты берутся?

Кыздын көзү кызылда. / Девка любит красное.

Өлбөгөн киши алтын аяктан суу ичет. / Была бы голова на плечах, а хлеб будет (букв. не умерший человек из золотой чашки воду пьет).

Өнөр алды кызыл тил. / Высшее искусство – красноречие (букв. красный язык).

Сабырдын түбү – сары алтын. / Основа (результат) терпения – чистое золото.

Санаа – эрди саргайтат сары жел – чөптү кубартат. / Забота молодца изнуряет, сухой траву сушит [4].

Сравнение пословиц и поговорок разных народов свидетельствует об их общности, что, в свою очередь, способствует их лучшему взаимопониманию и сближению. В пословицах и поговорках отражен богатый исторический опыт, представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом и культурой людей. Правильное и уместное использование пословиц и поговорок придает речи неповторимое своеобразие и особую выразительность.

Литература

1. *Молотков А.И.* Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука, 1977.
2. *Телия В.Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.
3. *Телия В.Н.* Что такое фразеология. М.: Наука, 1996.
4. *Юдахин К.К.* Киргизско-русский словарь. Фрунзе: Мектеп, 1965.